

Геннадий Лопатин

«Икона звалась свячой...»:

Из опыта изучения обряда «Свячы» в Восточном Полесье. По материалам экспедиций Ветковского музея народного творчества

«Свечами» в населенных пунктах Восточного Полесья называют как сам обряд, так его ритуальные принадлежности. В селах Смоленщины (нами исследованы населенные пункты Ершичского района, а также Хотимского района Могилевской области) они представляют собой специально изготовленные свечки, а в населенных пунктах Костюковичского района Могилевщины, Красногорского района Брянской области «Свечами» называют иконы, которым поклоняются все жители деревни. В деревне таких икон могло быть несколько, и каждая из них «ходила» по своей улице. На Гомельщине (нами исследовались населенные пункты Ветковского, Добрушского, Кормянского, Чечерского районов) комплекс «Свечи» состоит из иконы (а это могло быть изображение любого святого, Иисуса Христа, Марии) и специально изготовленной свечки. Согласно традиции, «Свеча» поочередно находится в домах всех жителей деревни: год — в одном, год — в другом, и так пока

Геннадий Исаакович
Лопатин

Ветковский музей народного
творчества, Беларусь

не обойдет всю деревню. В некоторых деревнях в дом, где был покойник, брали вне очереди: если мужчина — мужскую «Свечу», если женщина — женскую. Переносилась «Свеча» в день памяти святому, которому он посвящалась. Время пребывания «Свечи» в одном доме могло не ограничиться одним годом, если человек, принимавший ее, заранее обрекался взять ее на несколько лет. Обычно это происходило только в случае очень больших несчастий в доме. Необходимо отметить, что результаты наших исследований относительно территории распространения обряда практически совпадают с результатами исследователей конца XIX — начала XX вв.¹

В большинстве вариантов обряд совершался в течение двух дней. В первый день (обычно это происходило накануне переноса) все участники собирались в доме, где находилась «Свеча». Гости приносили с собой еду, рушники и другие ткани, которые жертвовали на «Свечу». Возле «Свечи» читали «Библию», пели акафисты и псалмы, молились, после чего хозяева угощали гостей.

На следующее утро «Свечу» переносили в другой дом. На всем пути дорогу устилали (согласно разным вариантам) соломой, полотном, еловыми лапами, цветами. Впереди несли хлеб, соль, свечку и следом икону. Жители деревни, страдающие какой-либо болезнью, в надежде на выздоровление проходили под иконой. «Падлазілі» под икону и те, кто «жадаў змяніць лёс».

На наш взгляд, свечки, находящиеся при иконах, являются христианизированным реликтом культа домашнего очага, который в народной культуре соотносится с культом предков. Еще в начале XX в. эта соотнесенность на материале Красненского и Рославльского уездов Смоленской губернии была отмечена А.Н. Добровольским, одним из первых публикаторов материалов по «Свече» [Добровольский 1900]. «Свеча» расширяет круг допущенных к священному огню. В XV в. в Беларуси, а также на Украине (преимущественно левобережное По-

¹ В данном случае мы основываемся на данных, приведенных С.В. Максимовым (Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. Приводится по изданию: [Максимов 1986: 371]) и В.И. Далем. В фактически диалектном словаре он приводит слово «свеча» с таким значением с пометой «западно-смоленское» [Даль 1993: 15]. Такие же результаты дала и экспедиция Ветковского музея народного творчества, которая в 1998 г. прошла вдоль реки Бесядь через населенные пункты Ершицкого района Смоленской области, Хотимского и Костюковичского районов Могилевской области, Красногорского района Брянской области и Ветковского района Гомельской области. Также в Белоруссии известен «Богач» — свечки в дежке с зерном. Зерно для «Богача» приносили все жители деревни. По описанию А.Е. Богдановича, в дом, где находился «Богач», приглашали священника. После молебна лубку с житом и зажженной свечкой в сопровождении всех жителей деревни обносили вокруг стада. Затем участники обряда шли к дому, в который «Богач» переносился на целый год [Богданович 1895: 123–125].

лесье) возникают «братства», которые образовались для поддержания порядка в церкви. Одной из традиций этих братств было изготовление общественной свечки, воск для которой обычно собирали все участники общины. Раз в год эта «свеча» переходила от одного хозяина к другому [Зеленин 1991: 386]. Как реликт первоначальной обособленности в наших деревнях время от времени возникали «дваравья» оброчные иконы, которые бытовали одновременно с общими «Свечами»¹.

Реликт культа предков в обряде «Свечи» прослеживается через отношение к «Свече» как к «семьянину» и через некоторые особенности ритуалов, которые напоминают похоронные. Это и зерно, которое посыпают на пути «Свечи», что соотносится с обычаем обсыпать зерном покойника, чтобы он с того света благоприятствовал благосостоянию своих родственников [Васілевіч 1986: 25]. Это и количество блюд на «свячной вячэры», и порядок их употребления, которые соответствуют их количеству и порядку их употребления на поминках. Обязательными для них были «гарачыя стравы». Среди других блюд варили кашу. Причем это было последнее по очередности блюдо, которое должны были употребить все присутствующие². В локальных вариантах на «свячной вячэре» готовили «канон». Исполняемые на «Свече» тексты определяются носителями традиции как «жаласлівыя»³. В ряде населенных пунктов они совпадают с репертуаром, по определению носителей традиции, исполняемым, «калі начуюць каля нябожчыка»⁴.

-
- ¹ «На Міхайлу яна абрыкнулась, ета Міхаіл архістраціг, воін, усёй планеты ён жа камандуюшы. І яна абрыкнулась на ету ікону Міхаіла, штоб сын яе быў здароў і шчаслівы, дзе б ён не быў. І яна празнік дзелала сорок пяць гадоў, кажэн год. Ету іконе не пераносілі. Ета дваравая вікона. Вот, „Міколу“ наша матка пераносіла, усё Закружжа абходзіла, а „Міхайла“ ета лічна яе абешчаніе. І дажэ я, яны, ужэ, памерлі, і я забрала вікону. І еты абед спраўляю, прыязжаюць усі дзеці. Ета считаіцца аброчны празнік» (От переселенки из д. Старое Закружье Ветковского р. Кужельной Прасковьи Сергеевны, 1933 г.р., зап. Лопатин Г.И. в 2006 г. в Ветке. Тетр. 121. Л. 1).
- ² По рассказу ж-цы д. Затишье Ветковского р. Гореловой Анны Калиновны, 1920 г.р., зап. Лобацкая Г.А. в 1996 г. Тетр. 59. Л. 5.
- ³ От жителей д. Корма Добрушского р. зап. Лопатин Г.И., Романова Л.Д. в 2002 г. Тетр. 76. Л. 94.
- ⁴ «На „Свячэ“ пяюць псалмы, што па ўсопшых пяюць». От жительницы д. Красная Буда Добрушского р. Бондаревой Нины Михайловны, 1947 г.р., зап. Романова Л.Д. в 2001 г. Тетр. 76. Л. 35.
 На «Свече» што пелі? «Мы „Дарожку“ пелі.
 Ой, ты, дарожка мая, дарожка божая,
 Што ніхто той дарожкай не прахажывая.
 Што шлі-прайшлі тры ангелы,
 Што вялі яны душу грэшную.
 Ой, чаго ж ты, душа, міма раю прайшла,
 Міма раю прайшла да і ў рай не зайшла?
 Ой, і чым ты, душа, правінілася:
 Ці за скупасьцю, ці за глупасьцю,
 Ці за тья слава, слава мацерная,
 Ці вянец разрубіла, ці душу загубіла?»

Вместе с тем «Свеча» может соотноситься и с новым членом семьи, в частности с «невестой», отсюда и ее внешний вид («фата», «намітка»), и «банкеты», которые водят после переноса. Отсюда и что-то типа приданого: «Я ўзяла ікону, я далжна іе садержаць. А еслі я іе адпраўляю — я плацейка шыю, штоб красівейшае»¹. Отсюда и некоторые другие элементы свадебного обряда. Это и встреча «Свечи» новыми хозяевами со своей иконой, и обмен хлебом-солью, который происходит между старыми и новыми хозяевами. Причем последнее, как свадебное, подчеркивается непосредственно носителями традиций: «Перад іконай, як прыносяць у двор, можа, як і маладыя, хлеб аддаюць з аднаго двара ў другі»².

Непосредственные воспоминания жителей обозначенной нами территории относят время возникновения «Свечей» к концу XIX — началу XX вв. и обозначают его как «да рэвалюцыі», «да майго раджэня», «в начале нашего столетия». Местные жители во время болезни близких, неурядиц в семье, падежа, стихийных бедствий обращались к «Свечам». Для этого «ўсем мірам» или сначала кто-то один для себя покупал или заказывал у мастеров икону. В том случае, если икона, как считали местные жители, помогла преодолеть невзгоду, ее начинали передавать из дома в дом. Особенно количество «Свечей» возрастает в 20–30-е гг. XX в., когда в наших деревнях в массовом порядке закрывались церкви. В этом случае «Свечами» становились иконы из церквей. В связи с этим дома, где находились «Свечи», становились своеобразными духовными центрами, что подчеркивается самими носителями традиции: «Не было ў нас цэрквы. А нада ж людям галаву, дзе прытуліць, Богу»³. В этих домах отмечались самые большие праздники и отправлялись непосредственно церковные таинства. Жители

А ў нашым раю жыць весела,
Жыць весела, толькі некаму.
Пасрадзі раю стаіць дрэва,
Стаіць дрэва купаросавае.
Як на том дрэве райскі пцічкі пяюць,
Пяюць песенкі херувімскія,
Галасочкі ў іх серафімскія.
Алілуй!
Алілуй!»

От жительниц д. Бартоломеевка Ветковского р. Етипнёвой Матрёны Титовны, 1919 г.р., Шевелевой Анны Титовны, 1912 г.р., зап. Лопатин Г.И. в 1990 г. Тетр. 53. Л. 127. Согласно замечанию информантов, этот текст они исполняют на Радунницу и когда ночуют возле покойников.

¹ От переселенки из д. Бесядь Ветковского р. Гатальской Евдокии Феоктистовны, 1920 г.р., зап. Лопатин Г.И., Романова Л.Д. в 1999 г. Тетр. 96. Л. 29.

² От переселенки из п. Лядо Ветковского р. Гриньковой Анастасии Ивановны, 1930 г.р., зап. Романова Л.Д. в 2000 г.

³ От жительницы д. Столбун Ветковского р. Морозовой Марии Лаврентьевны, 1926 г.р., зап. Лопатин Г.И. в 2007 г. Тетр. 73. Л. 55.

наших деревень помнят, как в этих домах «хрысцілі дзяцей»¹, «свяцілі паску»² и «асвячалі яблыкі»³. В годы Великой Отечественной войны «Свечи» заказывали, «каб веску не спалілі», «каб родныя жывымі вярнуліся»⁴.

Икону ставили в доме в красном углу. Перед иконой находилась свечка, которую либо вставляли в хлеб, либо ставили в подсвечник, заполненный зерном. Подсвечник одевали в специально пошитую одежду в виде «фартучкоў», «сукенак», «спадніц». Внешне подсвечники со свечками выглядят очень разнообразно, напоминая самые разные антропоморфные фигуры. Возможно, это реликт представлений о внешнем виде древних покровителей дома, семьи, рода, а потому они выглядят, «як дзеўка»⁵, «дзед»⁶, «жэншчына»⁷, «мужчынская» и «жаночая» свечки⁸. О культуре предков напоминает и то, что в некоторых деревнях одевание для «Свечи» «делали как старинное»⁹.

В локальных вариантах антропоморфные фигуры свечек поверх одежды атрибутируются крестиками типа «нацельных». Христианские мотивы в культуре «Свечи» также прослеживаются в трех свечках в одном подсвечнике, которые могут соотноситься с Троицей, в подсвечниках, напоминающих храмовые («много свечек в круг ставили») ¹⁰, в «свячных комплексах», в подсвечниках, напоминающих «престолы». В высшей степени как явление христианской культуры выглядит обряд «Свечи» в д. Золотой Рог Ветковского района, который предусматривает вечером первого дня «павічэр'е», а на второй день литургию. Особенностью «Свечи» в золотом Роге являются по-

¹ От жительницы Ветки Васильковой Екатерины Ивановны, 1910 г.р., родом из д. Восток Ветковского р., зап. Лопатин Г.И. в 2006 г. Тетр. 17. Л. 30.

² От жительницы д. Столбун Ветковского р. Морозовой Марии Лаврентьевны, 1926 г.р., зап. Лопатин Г.И. в 2007 г. Тетр. 73. Л. 59.

³ От жительницы д. Колбовка Ветковского р. Козловой Анны Свиридовны, 1936 г.р., зап. Лопатин Г.И. в. 2007 г. Тетр. 73. Л. 63.

⁴ От переселенки из д. Амельное Ветковского р. Грецкой Варвары Александровны, 1925 г.р., зап. Лопатин Г.И. в 2005 г. в Ветке. Тетр. 117. Л. 51.

⁵ От жительницы д. Малуновка Ершицкого р. Ларченко Ксении Ефимовны, 1914 г.р., зап. Нечаева Г.Р. в 1998 г. Тетр. 80. Л. 3.

⁶ От переселенки из д. Ухово Ветковского р. Дробышевской Марии Авраамовны, 1913 г.р., зап. Лобацкая Г.А. в 1995 г. в Ветке. Тетр. 59. Л. 14.

⁷ От жительницы Ветки Росликовой Марии Федоровны, 1953 г.р., родом из д. Быстра Климовского р. Брянской обл., зап. Лопатин Г.И. в 2006 г. (Архив автора).

⁸ По рассказу жительниц д. Струкачев Кормянского р. Пудеренко Марии Александровны, 1936 г.р., Горлачевой Прасковьи Степановны, 1915 г.р., зап. Крячкова Е.В. в 1999 г. Тетр. 91. Л. 4.

⁹ По рассказу жительницы д. Затишье Ветковского р. Гореловой Анны Калиновны, 1920 г.р., зап. Лобацкая Г.А. в 1996 г. Тетр. 59. Л. 5.

¹⁰ По записи, сделанной Лобацкой Г.А. в 1996 г. в Ветке от переселенца из д. Воробьевка Ветковского р. Гончарова Петра Васильевича, 1920 г.р. Тетр. 58. Л. 9.

минальные и задравные записки, которые подаются жителями деревни, а также «дарнік», который, по сути, является просфорой. Сама «Свеча» в Золотом Роге, как и в некоторых других деревнях, считается престольным праздником¹.

Ритуал «Свечи», дошедший до нас, ограничивает круг тех, чей дом достоин принять священный огонь. Так, «Свечу» не отдавали пьяницам и убийцам. Некоторые из жителей деревни сами не брали «Свечу» по причине своего атеистического мировоззрения, хотя в своем большинстве местные жители считали, что, «если Свеча в доме, если это действие произойдет, несчастья обойдут этот дом». Таким же образом подчеркивается и ритуальная чистота тех, кто мог переносить «Свечу»: выделяются «дзеўкі», «муж» и «жонка». В локальных вариантах не могли переносить «Свечу» «ўдовы» и «разжонцы». Вместе с тем «во, як Мікола — мужчыны нясуць, як Багародзіца, жэньскае ліцо — то бабы нясуць».

На пути «Свечи» хозяева отдельных домов ставили оброчные столы. Процессия останавливалась около них, ее участники угощались. В особых случаях люди, которые переносили «Свечу», заходили в дома, где было что-то неладно, чтоб освятить их. В локальных вариантах в день переноса «Свечой» освящали поля, а в случаях падежа со «Свечой» обходили стадо. К «свечной» иконе обращались в обрядах вызывания дождя.

Вся атрибутика «Свечи» считалась магической. Солому, цветы, еловые лапы собирали и использовали в лечебных обрядах. Целебными считались и свечные огарки и ткани, которые побывали на «Свече». Зерно из подсвечников добавляли в первый посев. С помощью свечных огарков оберегали свои дома от пожара. Для этого их приносили с собой и клали в красном углу.

С конца 1980-х гг. «Свеча» постепенно начинает утрачивать свое место в местной культуре. Во-первых, в деревнях начали открываться Храмы, куда в конце концов попадают почитаемые иконы. Во-вторых, большинство носителей традиции оказываются в такой степени материально ограниченными, что элементарно не имеют средств, чтобы выполнять обряд «пастарыннаму». И, безусловно, свою лепту внесла авария на ЧАЭС. «Свечи» отдельных деревень прекратили свое бытование вместе с населенными пунктами.

Отдельные данные о «Свече», кроме уже упомянутых авторов, приводятся в работах А.Е. Грузинского, Ф. Жудро, П. Шейна,

¹ От жительниц д. Золотой Рог Ветковского р. Литвиновой Ольги Андреевны, 1937 г.р., Нетылькиной Нины Григорьевны, 1937 г.р., зап. Лопатин Г.И. в 2007 г. Тетр. 123. Л. 22, 27.

А.С. Дембавецкого [Грузинский 1891; Жудро 1893; Опыт описания 1882: 494, 520, 630, 634; Українська мінувшіна 1994: 162]. В середине 1990-х гг. на это явление обратили внимание сотрудники Ветковского музея народного творчества Г.И. Лопатин, Л.Д. Романова, Г.А. Лобацкая¹.

Аутентичные тексты атрибутируются по фонду материалов этнографических экспедиций Ветковского музея народного творчества. Особенности речи информантов сохраняются.

Тексты

«У нас жэ цэрквы не было...»

Ікону пераносілі Свячу. У нас жэ цэрквы не было, у Старых Грамыках. А свячу пераносілі. Вот, у адныя ходзяць Богу моляцца, тады к другой пераносяць. Вот, перад Паскай, усенашная, свячу пераносілі. Жэншчын багата была святых. Вот пераносілі (Полина Ивановна Громыко, 1932 г.р., урож. д. Старые Громыки Ветковского р-на, зап. Г.И. Лопатин в 2005 г. в Ветке. Тетр. 7. Л. 12).

«Яе каласкамі, цвятамі ўбіралі...»

Эта цяпер разлічныя фігуры выдзелываюць, а тады свечка тая стаяла, калісь із цэрквы падсвечнік быў, там яна стаяла, і яе каласкамі, цвятамі ўбіралі, лентачкі неабольшыя прывязывалі, і нясуць, як пераносяць, і бяруць ікону, і рушнік красівы. Мужчына перанося. У нас быў Мікола зімняя. Ка мне прыняслі, а тады, ужэ, к вам на другой год. І дзелалі Троіцу. Троіцу абрачонай здзелалі. Хто хоча, не то шта з двара на двор. А, вот, я абрыкну — вазьму. Тады абрыкне другі. І бралі этыя іконы — абрачоныя. Тожа таксама бяруць свечку украшанаю. Стаіць ікона і каля іконы стаіць свечка. І тады на другі год пераносяць к другому. (Какие брали «цвяты»?) У нас дзед быў, так ён гаварыў: «Цвяты — усі красівыя». Адзін, вот, гаварыў: «Цвяты — красівыя». А ён: «Не гавары: „Еты цвет — красівы, а еты — не красівы“». Кажды цвет свой запах імеет і сваю красату. Маленькі цвяточак на траўцы, а ў яго свая красата, прыгледзься, гавора. А ета — што роза бальшая, бальшы цвет-красата, а, вот, паглядзіце, у маленькім цвяточку, які ён красівы. А на свеце німа — вот еты красівы, а еты не красівы. Усі красівыя цвяты». Дак, ён калісь казаў на сваю жонку: «Вазьмі мне

¹ Описание обряда «Свечи» приводится сотрудниками Ветковского музея народного творчества в следующих публикациях: [Лобацкая 1998; Лопатин 2006: Тексты № 47–53; Лопатин 2003: Текст № 2; Смоленский областной словарь 1914: 820; Раманова 2004а: 183–192; Раманова 2004б: 104–106].

насушы цвятоў летам. Памру, палож мне каля мяне шчапотку сухіх цвятоў зімой, і то я рад буду. Я люблю прыроду, не знаю як!» Яго звалі, па-вулашнаму, Мішка. Ён і кажа: «Ты мне нарві муражка. Маленькія цвяты. Яны — красівыя. Што вы толькі за большымі прыгніце? Не нада етага. Цвет увесь красівы». І, праўда, возьмем на траве гуляем, калісь дзеці, а ён — маленькі, але ж красівы (Варвара Александровна Грецкая, 1925 г.р., урж. д. Амельное Ветковского р-на, зап. Г.И. Лопатин, Л.Д. Романова в 2001 г. в Ветке. Тетр. 54. Л. 59).

«Штоб мужык прышоў»

Я ня дзелала. А, там, адна — кажды год, штоб мужык прышоў, Дуня іе звалі, дак Свяча ўсё у іе была. А у іе мужык у вайну быў дома, пашоў, а тады ці ў кружэнне, яны тады ўцякалі ўсі, а як пачалі растрэліваць, дак яны, ужо знаюць, што хана ўсім будзя, яны бедных яўрэяў стрэлялі ў нас у Свяцкой, дак там адзін, штоб яму колам зямля! Пераносілі. Вот, у Дуні была Свяча, яна ўзяла абрыкнула, Свечы — эта абрычоныя. Абрывалася, што буду Свячу скрозь спраўляць, толькі штобы мужык прышоў з вайны. А яго і ўбілі. Первы раз забралі, а тады, як немцы прышлі, прышоў, можа, дзе схавалі быў, да прышоў, хату выстраіў, а тады зноў красныя прышлі, пабралі мужчын тых, што былі. Дац яны пабралі іх, і яна асталася двое дзяцей. Дац, яна абрыкнулася. І Свячу тую дзелала. Прыходзяць пеўчыя, там былі, адна ўсё вядушчая баба, такая была пахылая. Яны прыходзяць увечары, а тады, ужо, у ранні, і абедню і завутрыню служаць. А тады абед яна гатуя. Я, дзе мяртвяц памрэ, я не хаджу на абед. Вот, ня хоча — і ўсё. Матка наша казала на бабу, баба мыць усё хадзіла мертвых, дак яна і кажа: «Ідзі ужо косці аблізый!» Дац, калісь — боршч, бульба жараная і каша густая — і ўсё. А ціпер ужо гатуй, хоць ты ў позыкі ідзі, да гатуй ім. Дац, яны Свячу. А тады адзін, ужо, сказаў: «Я сабе вазьму». Дац яны к яму. Вот, Свяча пабыла, у іе, ужо, вечар служылі, і ноч ані гатавалі і, ужо, уранні, усі людзі печы павытапяць, ідуць на Свячу. Там яны Богу моляцца, і пакуль зўтрыні прайшоў і вутреннік, і абедня. Адслужаць ужо, тады бяруць вікону, і бяруць падсвешнік такі быў дзярвянны здзеланы, дзірачкі, там свечак. Адзін, там, мужчына, дак ён усё нясе. Ён і пеў па-Божаму, і нясуць у тэй двор, дзе перносяць вікону. І там гатуяцца. Абед гатуяць. І там моляцца Богу, а тады, якія малітвы нада прамоляцца, садзяцца ў тога хазяіна і ядуць. Ён угашчая, а тады, ужо, назад, адтуль усі ідуць сюда, к ётай маладзіцы, ішчэ памоляцца, ішчэ паабедаяць. Тады, ужо, разыходзяцца. А на другі год, ужо, у тога мужчыны — Свяча. Яны, ужо, там увечары моляцца, пеўчыя, позна моляцца, да часу, тады, ужо, хто на нач астаюцца і ўранні начынаюць

рана маліцца і падкаменцы, і амяленцы і закружцы. Ён гаворыць: «Ніхай і на лета тута-ка». Ужо не бяруць, яна ў яго пабудзя. А ён два гады здзелаў, і большы ня здзелаў. яна папытала: «будзіш ты здзелаць?» Ён гаворыць: «Не!» — «Давай вікону маю». І Дуніна вікона была там два гады. «Троіца». І яна вікону тую ўзяла, у рушніку, і рушнік іе. «Раз ня будзіш — давай маю вікону назад». І здзелала пакуль разруха ета была (Варвара Александровна Грецкая, 1925 г.р., урж. д. Амельное Ветковского р-на, зап. Г.И. Лопатин в 2005 г. в Ветке. Тетр. 117. Л. 51–52).

«Хату новаю пасвяціць...»

Была ў нас ікона такая, я ні помню ізабражэнія, у суботу пад празнік, дак я ўсё з бабай хадзіла. Такі ў нас быў чалавек, як, уродзе, ён дзяка быў, старыя жэншчыны сабіраліся, пасідзят, пагамонят, перад Успеніем, калі ў цэркві саслужаць, прыводзяць папа і дзяка, тады бяруць эту ікону і носяць па ўсёй дзярэўні. Хто жалае, вот, хату новаю пасвяціць, заходзяць. Эта была ішчо да калхозаў. А патом панясуць па ўсёй вуліцы, і ўжэ, пераносяць ікону ў другі двор. Ікона была такая бальшая, што ў чытырох бралі. Такія палкі — дзве дзевачкі сперадзі, дзве ззадзі. І насілі. Эта была ішчо да калхозаў (Надежда Никитична Вдовина 1921 г.р, урж. д. Купреевка Ветковского р-на, зап. Г.И. Лопатин в 2005 г. в Ветке. Тетр. 60. Л. 31).

«Год пастаіць, у другі двор, у трэці...»

«Красціцель» была. Иван Красціцель. Эта абрадны наш прыстольны празнік. Свіча, прымерна, у міне была, еслі, там, жэлают людзі, пасёлачык у нас маленькі, эту свячу, значыць, здзелаюць абеда харошыя, зазываюць людзей, людзі ж приходзюць маліцца, молюцца да абеда, і бацюшку завуць, абедаюць у тых людзей, у каторых стаяла свяча, і патом нясуць свячу, хто абракнуўся ўзяць сабе ў дом. Так, нясуць у руках, і прыбіраюць эту ікону, вешаюць із мацер'яла здзелаюць, павесяць на эту свячу. Пераносяць у другі двор, хто надумаўся ўзяць свячу. Год стаіць. Еслі ішчэ хто загадзя не сказаў, што возьме свячу, утары год стаіць. А еслі жылает, значыць, год пастаіць, у другі двор, у трэці. Так і пераносяць (Анастасия Даниловна Литвинова, 1932 г.р., урж. д. Чирвоный Кут Ветковского р-на, зап. Г.И. Лопатин в 2005 г. в Ветке. Тетр. 63. Л. 17).

«І паверыце, што і дожч пашоў!»

Даждзю не было. Нанімалі службу. Папа прывожывалі. Ён маліўся Богу. У нас Свіча была. Дзве іконы. Іванаўшчына і Па-

кроў. Станочык такі, як стол зделан. Дзе Свіча стаіць, туды і папа прывожывалі. І паверыце, што і дождж пашоў. Тады даж-чу доўга не было. Усе людзічкі сабралісь. Абед наварылі. Ба-цюшка. Пеўчыя пелі. І пашоў дождж. Во, гаворуць, Бога німа! (Ульяна Николаевна Прялкина, 1917 г.р., уроч. д. Воробьевка Ветковского р-на, зап. Г.И. Лопатин в 2005 г. в Ветке. Тетр. 17. Л. 27).

«Свеча как свеча»

Свеча как свеча и икона звалась свечой. 2 августа — Илья. Справляли обед. Свеча большая, сверху — поуже, к низу — пошире. Из воску лепили палки как руки, пуговицы или монеты втискивали в воск как глаза. Год бывала в доме. Куда переносили, стелили дорожки полотняные от старого дома к другому дому, кто берет. Бабка читала сама дома, у нее книга была толстая. Кто обрелся ее забирать, обед делает (Виктор Алексеевич Буланович, 1932 г.р., Александра Аврамовна Буланович, 1931 г.р, уроч. д. Потёсы Ветковского р-на, зап. Г.А. Лобацкая в 1995 г. в Ветке. Тетр. 59. Л. 4).

«Балела дзеўка»

З пасёлку бабіцкага, з Кармы, балела дзеўка адна чорнай балезню. Так пасаватавалі ёй пашыць адзежку для свячы. Як пашыла, так палуччала (Наталья Егоровна Радьковская, 1929 г.р., д. Бабичи Чечерского р-на, зап. Л.Д. Романова в 1997 г. Тетр. 75. Л. 31).

«Нада толькі на пасвяцёным»

Я была на «Свячэ „Мікола“». Эта «Свяча» такая была ў Анто-наўцы. Я ж во і аддавала рушнікі пераносіць. Вот моляцца ў адным домі. І другая захоча. Вот я абракнулася, я і забрала к сабе. Дак пераносаць мужыкі ікону, а не жэншчыны, мужыкі нясуць «Сьвячу». І на етым рушніку даўжны несць, патаму што эта рушнікі ўсе пасвяцёныя, у царкве сьвяціліся. Ні пасьвяцёнага рушніка табе дажа ні дадуць к «Сьвячэ». І вот тады на етым рушніку нясуць. Прынясеш вышываны: «Не! — кажа, — еты не пайдзёт, еты не пасьвяцёны. Нада толькі на пасвяцёным» (Ольга Кирилловна Казакова, 1930 г.р., уроч. пос. Макавье Чечерского р-на, зап. Г.И. Лопатин, Л.Д. Романова в 2002 г. в д. Светиловичи Ветковского р-на. Тетр. 75. Л. 191).

«Становяць зярно возле Свячы»

Людзі абракаюцца на Свячу. Ікону «Пятніцу» насілі Яна і называіцца «Пятніца». Становяць зярно возле Свячы. Зярно насыпалі ў тарэлкі, міскі, другія якія, махоткі называюцца. Насыпаюць зерна і нясуць у тую хату, дзе будзе Свяча. Людзі зярно ставяць на прыстолік (група жанчын, зап. Л.А. Новикова, Л.Д. Романова в 1999 г. в д. Верхличи Красногорского р-на. Тетр. 87. Л. 123).

«За сына абряклася»

У нас, у Папаратнай, адна баба ўсё ўрэмя свячу ставіла, кожны год. Прыходзілі святыя маліліся, на каленкі станавіліся. За сына абряклася (Любовь Прокоповна Романова, 1932 г.р., д. Видуйцы Костюковичского р-на, зап. Г.И. Лопатин в 1998 г. Тетр. 83. Л. 30).

«Насыпалі ў яшчычак жыта...»

У нас была восеньская Мікольская. Свяча стаяла ў яшчычке з зярном. Насыпалі ў яшчычак жыта, ячмень, пшаніцу, грэчку, авёс — якая ёсць семяно. І ўсё эта сыпліцца ў той яшчык. Тады становяць эту свячу — воск еты. А воск еты дзелаюць — вот, лён, бальшую жменю бяруць лёну, і лён еты ўвесь аблепліваюць етым воскам і тады дзелаюць, такую таўстую наверх становяць, штоб запаліваць яе, штоб яна гарэла. Каля свячы маленькая іконка, і яна стаіць, і палацэнцам абматаюць. Як аддаю свячу, у нас вячэраюць. А назаўтра ідуць к хазяіну, што забраў. Тры мужчыны нясуць яе. Самы глаўны хазяін нясе, а два другіх збоку падмагаюць і так трошкі дзяржацца. А тады, ужэ, прыносяць і становяць етаму хазяіну (Александра Федоровна Андреевко, 1926 г.р., д. Студенец Кормянского р-на, зап. Л.А. Новикова в 1999 г. Тетр. 88. Л. 9–10).

«Абрыкнулася і здзелала ікону»

Дзесяць парасёнкаў купе і на аборке вядзе: «Госпадзі, штоб мне Бог помач, штоб не падохлі ў дарозе!» Ікона была «Юрый». Яна ўзяла абрыкнулася і здзелала ікону. Так ікона хадзіла (Мария Андреевна Хомякова, д. Казацкие Болсуны Ветковского р-на, зап. Г.И. Лопатин в 2003 г. Тетр. 75. Л. 201).

«Адслужыць і ў другі двор нясуць»

Ікона хадзіла па дварах на Пасху. У кожны двор. Клалі на сталі кусок сала, яйца — аддавалі ім. Як, ужэ, ікона прайдзець, тады мы гулялі. Хто даў заказ, той бярэць ікону, носіць Божаю Маць па дварах. Вы прышлі к бацькушке: «Бацькушка, я магу ўзяць ікону». Эта на первы дзень. І на другі дзень носяць. Ід-

зець поп, а яна наперад нясець ікону. Адслужачь і ў другі двор нясуць. На Кут становяць, і поп, і дзяк стаіць. Божаю Мацьносяць. Ікона з адной ручкай, штоб дзяржаць. Гдзе храніцца ікона между первым і вторым днём? У цэркві (Репна Кузьмінічна Купреева, 1909 г.р., д. Березки Хотимского р-на Могилевской обл., зап. Г.И. Лопатин в 1998 г. Тетр. 82. Л. 16).

«Бацюшка, я вазьму ікону»

Вот, напрымер, я пастроіла новую хату, я абрыклась узяць ікону: «Божаю Мацер», «Спасіцеля». Даждалась Пасхі, прышла к бацюшке: «Бацюшка, я вазьму ікону». Ён: «Пажалуўста, бярыце». Я падбіраю жэншчын, каторыя ўмеюць печь. Яны нясуць яе ка мне, ставяць на Куту. Прыносяць чужыя людзі, а хазяйка ў дварэ. Яна ў мяне двое сутак стаіць. Я гатоўлюсь, як к празніку. Даю выпіць жэншчынам. Яны прыдзюць, цэлаю ноч пяюць. Калі другі чэлавек захоча, другі ў мяне вазмець. А калі ўжэ закончыцца, папу нясуць (Матрена Григорьевна Чибусова, 1915 г.р., д. Беседавичы Хотимского р-на, зап. Г.И. Лопатин в 1998 г. Тетр. 82. Л. 4).

«Было тры тоўстых свячы»

У нас было тры тоўстых свечкі, і кажны год іх пераносілі. Называлася — «свячу мне». І ўсе сабіраюцца гуляюць, выпіваюць (Раиса Владимировна Полякова, 1941 г.р., д. Литвиновичи Кормянского р-на, зап. Г.И. Лопатин, Л.Д. Романова в 1999 г. Тетр. 91. Л. 24).

«Выносяць на двор хлеб з соллю»

На Міколу. Хто жалаў хадзіць — хадзіў, а хто не жалаў — не хадзіў і не браў. Як прыдуць, памоляцца і паабедуюць, тож памоляцца. Вот, у мяне ікона. Сусед прыходзя браць к сабе. Нясуць: ікона, свяча, фартушкі вешаюць на яе. Як нясуць, па дарозе не нясуць, а сцелюць саломкай жытняй. Заране рас-трушчывлі. А це (новые хозяева, которые прінімают) выносяць на двор хлеб з соллю (Мария Федоровна Винокурова, 1915 г.р., д. Рудня Кормянского р-на, зап. Г.И. Лопатин, Л.Д. Романова в 1999 г. Тетр. 91. Л. 21–22).

«...ўстрачае з хлебам, соллю»

Ікона была Свяча — Мікола. Была зімой і вясной. Зімой пераносяць, вясной гуляюць. Абед быў на Міколу. Дзелалі, хто хадзіў на Мікольшчыну. Было ўсё поснае. Піліпаўка — пост. Ікону няслі мужчыны і жэншчыны. Мужчына і жэншчына нясуць гарэлку — бутылку на дваіх. Фартушкі вешалі на ікону.

Хазяйка хлеб нясе. Новая ўстрачае з хлебам, соллю. Як ідуць — сцелюць саломкай, па саломцы ідуць. Салома — жытняя. Дзеці раструшвалі. Стол выносяць у новым доме. На Крышчэнне дзелалі: бярэш акрайчык хлеба з цэлае булкі. І нада акрайчык хлеба дзяржаць у руцэ. Кідалі ў калодзеж (Софья Ивановна Лашкевич, 1927 г.р., д. Рудня Кормянского р-на, зап. Г.И. Лопатин, Л.Д. Романова. в 1999 г. Тетр. 91. Л. 114).

«Як дзеўка»

Свяча із воска. Як дзеўка. Воску было болей пуда. Сястра сшыла плацце, как на дзевачку. Стаяла ў лукошке з лыка на стале. Бралі па жэланію (Ксения Ефимовна Ларченко, 1914 г.р., д. Малуновка Ершицкого р-на Смоленской обл., зап. Г.Г. Нечаева в 1998 г. Тетр. 80. Л. 3).

«Это женщина»

Одна женщина переносила, а другая брала. Наряжали ее, делали юбочку, украшали. Свеча — это ж не мужской пол, это женщина, делали наряд ей. И обед справляли, та, которая отправляла, обед справляла, и которая принимала, обед справляла. Свечи делали сами. Там был один пасечник, пчел держал, воск был, ему заказывали (Мария Федоровна Росликова, 1953 г.р., урож. д. Быстра Климовского р-на Брянской обл., зап. Г.И. Лопатин в 2006 г. в Ветке. Архив автора).

«І ў доме ўсё нармальна стала»

Была ў нас веснавая ікона. Прыняслі яе ка мне, савершенна маленькая. Я іздзелала кіот бальшушчы, красівы. Ну, вот, яна ў мяне прастаяла адзінаццаць гадоў. Дзелала два абеды — на веснавую, што яна веснавая, і на зімавую. Патом ужэ рашыла, што забяруць яе ад мяне. Была Прачыстая, дваццаць первага сенцября, і я рашыла папрасіць жэншчын, штоб яны ад мяне яе забралі. Кагда мы селі абедаць, я папрасіла жэншчын: «Забярыце яе ад мяне. Адзінаццаць гадоў стаіць, так забярыце ў мяне». Ну, ніхто не браў. Скандал! Тая: «Я не хачу. Мне німа куда!» І паднялі такі скандал. Ніхто не хоча браць. І лягла я вечарам спаць. Но мне кажацца, што не спала, толькі маі глаза закрыліся. І, вот, перада мной старычок, увесь беленькі, адзежа беленькая, бародка беленькая, і стаў на каленях перад маею койкай і перада мной, уродзе б стаіць на каленях і просіць, што «Не выганяй мяне! Я твой бацька!» Я хачу сказаць, што я не выганяю, я забалела, у мяне нет сілы, хачу яму сказаць, но у мяне язык не варочаецца, не магу сказаць. Он апяць паўтарыў: «Не выганяй мяне! Я твой бацька!» І усё. Ад кры-

ку я праснулася. Праснулася, каля мяне ўжэ нікаго не было. Вот толькі эта мне прыдалось. І ўжэ назаўтра пашла я к гэтым жэншчынам і сказала, што я нікому ікону не аддам. Ніхай стаіць у мяне. Так і так мне прыснілася. А патом сколькі прайшло, і нашолся чалавек, і забралі ў мяне эту ікону. Кагда ікону забралі, с цех пор я забалела.

Раньшэ у агародзе нічыво не было, кроме травы. Адна трава расцет, і нічыво нету, ні капусты, пасажу — ана не вырасце. Патом, кагда я ўзяла ікону, ішчо я работала ў Гомелі, і толькі што пайшла на пенсію, і, вот, нідзеля астаецца да Міколы, адна нідзеля, і ўдруг прыходзя Вольга Дубоўка і гаворыць: «Анна, перабралі ўсю дзярэўню, і нікуды ніхто не хоча браць ікону. Можа, ты б узяла?» Думаю: «Ад іконы не атказваюцца». «Ну, харашо, — гавару, — Ольга, возьму». А патом прышла дамою і думаю: «Ікону ўзяць, нада і абед дзелаць. А з чаго я здзелаю? Нічыво ж нету». Воду паставіла, села і сяджу. «Пайду да Феклы Балабіхі, і скажу, што не буду браць». Адкажусь ад іконы. Пасідзела, пасідзела: «Не, не буду атказвацца». У то ўрэмя гарэлку давалі па талонах. Ні гарэлкі німа, ні рыбы німа, бульба толькі і капуста, качан да бульба, болей нічога німа, ні рыбы, а посны абед, ні грыбоў німа, як я буду дзелаць? Пасідзела, пасідзела, а Ольга Гурышева работала ў магазіне. Я тады абрацілася к ей: «Воля, што мне дзелаць? Вот, хачу ікону узяць, а німа з чым абед дзелаць, ні гарэлкі, ні віна німа». Ана: «У міне віна цэлы яшчык стаіць. Я ўзяла цэлы яшчык віна». Я гавару: «Ну, так, харашо, ты мне хоць бутылак пяць прадаш віна». А яна: «Бяры хоць і болей». Па тры рублі, грошы ж былі, віна ўзяла, прынесла дамоў. Назаўтрага — за грошы, матанула ў Гомель. Рыбы нігдзе німа. Я зашла ў магазін, рыбы навалам марожанай, якую хочаш бяры!. Я прынесла кілаграм пятнаццаць з Гомеля. «Вот, ужэ рыба ё ў міне». Зматалася на другі дзень на базар, грыбоў узяла. Вот, ужэ ўсё ё ў міне. Наверна, так Мікола памагала. То німа нігде нічога ўзяць, а я, куды ні падкнусь, у міне ё, ліш бы толькі грошы. І за нідзелю ўсё сабрала. Забраць ікону, німа адзецц у што. Я шкаф свой патрусіла, брала січчык белы на пададзьяльнік, я за етыя дзесяць метраў, рашыла пашыць на ікону, абкруціла усю іе мацерыялам, пашыла, панесла, адзела і забрала тую ікону. Людзей поўная хата набілася. Нікагда ж не пераносілі іконы. Ікону тую прыняслі. Цепла была, гразна, машыны астанаўлівалісь. Людзі плачуць ад радасці, поўная хата людзей, чылавец пійсят. Каму места не хватала, друг на дружку пасадзіліся, а ўсё раўно паселі. Я ікону ўзяла, і ў доме ўсё нармальна стала, і ў агародзе ўсё пашло. То нічога не радзіла, а то і капуста, і маркоўка, і бульба. Усе у міне у агародзе, і ў доме ўсе нармальна стала. Я дзяржала свіней, і коз, і курэй, па двое — па чэцвера

дзяржала свіней — і ўсім хватала. І хватала за што купіць. Значыць Мікола — харошы памошнік. Эта ніхто не прашыбёт, хто яго возьме. Вот, такія дзяла (Анна Мартыновна Кирьянова, 1931 г.р., д. Старое Село Ветковского р-на, зап. Г.И. Лопатин в 2003 г. Тетр. 101. Л. 17–16, 14–13).

Библиография

- Богданович А.Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродно, 1895. (Репринт: Мн., 1995).
- Васілевіч У.А.* Беларускія жалобныя абрады і галашэнні // Пахаванні. Памінкі. Галашэнні. Мн., 1986. С. 25.
- Грузинский А.Е.* Из этнографических наблюдений в Речицком уезде Минской губернии // Этнографическое обозрение. 1891. № 4. С. 142–156.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1993. Т. IV.
- Добровольский В.* Значение народного праздника «Свечи» // Этнографическое обозрение. 1900. № 4. С. 35–51.
- Жудро Ф.* Свеча — белорусский церковно-бытовой праздник // Могилевские епархиальные ведомости. 1893. № 13. С. 232–236.
- Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Лабакская Г.А.* «Свяча» — народнае свята // Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Веткаўскага р-на. У 2-х кн. Кн. 2. Мн., 1998. С. 415–416.
- Лопатин Г.* Культ св. Николая по современным белорусским свидетельствам // *Paleoslavica*. Cambridge, 2006. XIV. С. 296–298.
- Лопатин Г.И.* Легенды и предания деревни Верхличи // Живая старина. 2003. № 4. С. 35–37.
- Максимов С.В.* Литературные путешествия. М., 1986.
- Опыт описания Могилевской губернии в трех книгах. Составлен по программе и под редакцией А.С. Дембовецкого. Кн. 1. Могилев на Днепре, 1882.
- Раманова Л.* Ахвяра як аснова стварэння новага часу. Ахвярапрынашэнні ў абрадах «Свяча», «Ваджэнне і Пахаванне „Стралы“» // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Палесся. Гомель, 2004а. С. 183–192.
- Раманова Л.* «Свяча ці народам, ці Богам суджана» // Роднае слова. 2004б. № 3. С. 104–106.
- Смоленский областной словарь / Сост. В.Н. Добровольский. Смоленск, 1914.
- Українська мінувшіна: Ілюстрований этнографічний довідник. Київ, 1994.